

Historia Magistra Vitae: может ли история учить жизни, оставаясь наукой?

Максим Евгеньевич Буланенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: bulanenko@ihaefe.ru

Значение науки в современном обществе не подвергается сомнению, но почти столь же несомненным является убеждение, что сама наука не предназначена для того, чтобы отыскивать и доносить до общества то значение, которое имеют предметы её изучения. Между тем представление о том, что задача науки — описывать и объяснять факты, а не исследовать их значение, широко распространилось только в новейшее время. Это представление о стандартах научности не соответствует природе науки, так как уже сам выбор предметов исследования, их классификация и установление связей между ними определяется тем объективным значением, которое эти предметы имеют в глазах исследователя. Кроме того, отрицание существования объективных ценностей лишает ценности и саму науку. Наука как занятие человека перестаёт быть ему понятной, что не может удовлетворять гуманитарные науки. Признание этих стандартов научности имеет для социальных и гуманитарных наук и другие неприемлемые последствия, так как они используют интенциональные объяснения, где в качестве причины указывается намерение осуществить то или иное положение дел, которое деятель считает положительно ценным. Вместе с тем социальные и гуманитарные науки не могут последовательно придерживаться позиции ценностного релятивизма, так как против неё имеются серьёзные возражения, в свою очередь подтверждающие существование объективных ценностей. При этом область объективных ценностей является таким же предметом исследования, как и любая другая, поэтому само по себе признание учёными существования объективных ценностей не ведёт с неизбежностью к предвзятости, идеологизации или тем более тоталитаризму. Человеку и обществу требуются

образцы для того, чтобы жить не только хорошо, но и правильно, и только историческая наука располагает неисчерпаемым запасом подобного рода образцов. В то же время её методическая строгость позволит выделить в этих образцах общезначимое и избежать искажений и произвольности в их оценке.

Ключевые слова: философия науки, социальные науки, гуманитарные науки, историческая наука, натурализм, релятивизм, теоретический реализм, ценностный реализм, моральный выбор.

Historia Magistra Vitae:

Can History Teach Us How to Make Our Life Worthy While Remaining Science?

Maxim Bulanenko, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: bulanenko@ihaefe.ru.

In today's world nobody doubts the relevance of science, but almost as strong is the conviction that it is not a proper task of science to search for and communicate the relevance of the objects of its study to the society. Meanwhile, the idea that the goal of science consists solely in describing and explaining facts but not in exploring their relevance has become widespread only recently. This idea does not cohere well with the nature of science as the choice of subjects of research, their classification and the establishment of connections between them is determined by the objective relevance these subjects have in the eyes of the researcher. Moreover, the denial of the existence of objective values deprives science itself of its value. Thus, science as a human activity ceases to be comprehensible that cannot satisfy the humanities. The acceptance of these scientific standards also has other unacceptable consequences for the social sciences and humanities because they use intentional explanations where the reason is stated as an intention to realise a state of affairs that the actor considers positively valuable. However, the social sciences and humanities cannot consistently adhere to the position of value relativism because there are serious objections against it, which confirm the existence of objective values. Besides, the field of objective values is as much a subject of research as any other, therefore the recognition of the objective values by scientists does not inevitably lead to bias, ideologization or totalitarianism. A man and society need guiding models to live not only well but also correctly, and only historical science has an inexhaustible supply of such models. At the same time, its methodological rigour will help to focus on relevant points and to avoid distortions and arbitrariness in evaluation.

Keywords: philosophy of science, social sciences, humanities, historical science, naturalism, relativism, theoretic realism, value realism, moral choice.

1. О ТОМ, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ В НАУКЕ

Должны ли науки, и в частности науки о человеке и обществе, *иметь* значение для человека? Ответ на этот вопрос кажется очевидным, так как если бы науки не имели для человека никакого значения, то они, скорее всего, и не существовали бы. Ведь занятие наукой не является природным свойством человека, это целенаправленная сознательная деятельность, возникающая в истории человечества относительно недавно и требующая от человека немалых усилий, как индивидуальных, так и коллективных.

Должны ли науки *показывать*, что должно иметь значение для человека? Ответ на этот вопрос будет ожидаемо отличаться от ответа на предыдущий. В наши дни образованные люди, скорее всего, могли бы ответить на этот вопрос в том духе, что назначение науки — установление и *описание* фактов (т.е. действительных положений дел), а также их *объяснение*, т.е. указание причин, по которым эти факты имеют место. Временами требования к науке бывали и строже, когда недопустимым казался даже поиск причин: так, например, обстоит дело в позитивизме, который считал само представление о причинности пережитком метафизики в науке.

Уже на этом шаге мы, как кажется, сталкиваемся с парадоксом: наука — это деятельность с универсальными познавательными притязаниями, которая существует только потому, что имеет значение для человека, но при этом оказывается не в состоянии оправдать своё собственное существование. Такое положение трудно признать удовлетворительным. Но, возможно, оно обусловлено не особенностями самой науки, а некоторой её интерпретацией, которая не является ни единственно допустимой, ни наиболее обоснованной.

Применительно к исторической науке я далее попытаюсь показать, что она не только может и должна учить человека тому, что должно иметь для него значение, но что в этом её не способна заменить никакая другая наука и никакая другая область человеческого познания. В этом я всего лишь присоединяюсь к древнему и почтенному представлению об исторической науке, которое гораздо старше, чем современный искусственно зауженный взгляд на неё, и которое по-прежнему имеет немало сторонников среди тех, кто любит и ценит историю.

2. СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ НАУЧНОСТИ

Трудно сказать, когда именно в новое время стали почти общепризнанными те стандарты научности, о которых пойдёт речь ниже, но в XX в. их утверждению немало способствовал логический позитивизм, и в наши дни многим они кажутся единственно приемлемыми не только для естественных, но и для гуманитарных и социальных наук.

За этими стандартами стоят определённые метафизические и теоретико-познавательные убеждения, которые в силу их распространённости воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и не требующее дальнейшего обоснования. Согласно этим убеждениям, мир в целом таков, каким его описывают естественные науки, а потому любое научное исследование должно отвечать следующим двум требованиям:

- 1) каждое высказывание в нём должно описывать наблюдаемый факт или достаточным образом подтверждаться наблюдаемыми фактами;
- 2) высказывания о фактах не должны включать в себя ценностные выражения, так как ценностные свойства не являются наблюдаемыми и не входят в состав действительности самой по себе¹.

Отказ от ценностных выражений с неизбежностью предполагает отказ от обсуждения *значения* чего бы то ни было, ведь *ценность* — это именно *значение*, которое имеет тот или иной предмет, а в производном смысле — всё, что имеет какое-либо значение.

3. ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ СО СТАНДАРТАМИ НАУЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Если принятие этих стандартов в естественных науках до известной степени можно понять (хотя даже и там оно не является бесспорным)², то их заимствование со стороны наук о чело-

¹ Впрочем, со временем даже некоторые логические позитивисты стали более умеренными в своих взглядах [ср.: 5, с. 475—481]. В социальных науках близкого к логическим позитивистам подхода придерживался Макс Вебер [ср.: 3, с. 345—411]. Его подход остаётся влиятельным и в наши дни. Обзор современного состояния вопроса и основную исследовательскую литературу по нему см. в книге «Philosophy of Social Science: a Contemporary Introduction» [21, p. 14—32].

² О применении в физике «лагранжевых формулировок», ориентированных на отыскание оптимальных состояний физических систем, ср.: [12, S. 150—152]; ср. тж.: [14, S. 152—153]. Обширную и основательную

веке и обществе не может вызывать ничего, кроме недоумения. Ведь гуманитарные и социальные науки имеют дело с предметами, существенно отличающимися от предметов естественных наук (во всяком случае, на первый взгляд), и используют объяснения такого вида, которым в естественных науках попросту нет места³.

Речь идёт о так называемых *интенциональных* объяснениях, где в качестве причины указывается *намерение* осуществить то или иное положение дел, которое деятель считает положительно *ценным* (или более ценным, чем альтернативное положение дел). Именно намерения создают уникальный вид событий, который не встречается в неодушевлённой природе, а именно *поступки*⁴.

Но ни намерения, ни цели, ни ценности, ни поступки не входят в словарь естественных наук и не описываются им. Даже если мы возьмём предельно абстрактное представление о деятеле в математизированной теории выбора, мы увидим, что и там в качестве цели поступка признаётся максимизация выгоды, т.е. опять-таки нечто описываемое в интенциональных и ценностных категориях, которые не содержатся в словаре естественных наук. Соответственно, перенос рациональных стандартов из естественных наук в гуманитарные предполагал бы обширнейшую *редукцию* — «перевод» всех интенциональных и ценностных выражений на язык естественных наук.

4. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ СТАНДАРТОВ НАУЧНОСТИ И СЛЕДСТВИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ К ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Теперь мы можем подвести предварительные итоги:

1. Заимствование гуманитарными науками познавательных стандартов естественных наук должно иметь под собой достаточное *основание*, т.к. естественные и гуманитарные

критику узко понимаемой натуралистической метафизики даёт Томас Нагель [17]. Схожие взгляды в это же время были высказаны и обоснованы в статье М.Е. Буланенко, А.В. Поповкина [2, с. 40—48].

³ Об интенциональных («личностных») и каузальных («неодушевлённых») объяснениях ср.: [11, с. 35—42].

⁴ Типичный пример интенционального объяснения представляет собой анализ К.М. Симоновым возможных мотивов сторон при заключении договора о дружбе и границе между СССР и Германией в 1939 г. [10, с. 394—395].

науки существенно отличаются по своему предмету и по типу используемых объяснений.

2. Непосредственное *следствие* такого заимствования состояло бы в том, что гуманитарные науки лишились бы возможности осмысленно ставить вопросы о значении и отвечать на них.

Что касается первого, то до сих пор такое основание не было никем предоставлено, хотя многочисленные попытки «натурализации» гуманитарных наук предпринимались почти непрерывно начиная с XVII в. (одним из первых подобную попытку предпринял Гоббс, но его «физическое» истолкование намерений и других состояний сознания является скорее метафорическим и имеет мало отношения к естественным наукам [4, с. 37—51]). Если же говорить о следствии перевода гуманитарных наук на естественно-научный стандарт, то оно было бы равносильно прекращению существования гуманитарных наук в их привычном виде.

Как мы видим, и с точки зрения оснований, и с точки зрения следствий принятие естественно-научного стандарта в гуманитарных науках трудно назвать рациональным. Однако и для естественных наук он является не вполне естественным. Правильнее было бы назвать его *натуралистическим* стандартом — в соответствии с той метафизикой, которая лежит в его основе. Далее мы ещё будем иметь возможность убедиться в том, что он не только не позволяет, но и прямо препятствует пониманию природы науки вообще и естественных наук в частности. Без поиска и понимания значения исследуемого предмета в действительности не может существовать никакая наука. Но если для естественных наук это не так очевидно, то историческая наука, отказавшись от поиска значения предмета своего исследования, сразу же лишится смысла своего существования и потеряет всякий интерес для общества.

5. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ СОВРЕМЕННЫХ СТАНДАРТОВ НАУЧНОСТИ. СУЩЕСТВОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ СВОЙСТВ

Прежде чем перейти к возражениям против той части натуралистического стандарта, который исключает из научного исследования ценностное измерение, я хотел бы обратить внимание на ещё одну трудность, связанную с его принятием этого стандарта. Я имею в виду признание существования так называемых *теоретических* предметов, которые сами по себе *ненаблюдаемы*, но при этом вводятся в исследование на основе

данных наблюдения и для объяснения последних. В физике примерами таких теоретических предметов являются элементарные частицы и поля, в биологии — гены и виды, в психологии — желания и мысли, в гуманитарных и социальных науках — этносы, культуры, классы, цивилизации⁵.

Упомянутая мной трудность состоит в том, что с допущением существования теоретических предметов мы делаем шаг от наблюдаемого в сторону того, что едва ли может быть окончательно подтверждено наблюдениями (когда-то физическими предметами признавались *теплород* и *эфир*). Но вместе с тем теоретическое как будто оказывается более реальным, чем наблюдаемое: ведь именно теоретическими предметами в итоге объясняется само наличие данных наблюдения. Таким образом, для науки *ненаблюдаемость* в эмпирическом смысле не является препятствием не только для признания существования тех или иных предметов, но и для использования их при объяснении наблюдаемого. С учётом этого, а также дополнительных свидетельств в пользу существования ценностных свойств (об этих свидетельствах будет подробнее сказано ниже) вытеснение из научных исследований ценностного измерения начинает казаться чем-то иррациональным.

Отрицание существования ценностных свойств не только лишит гуманитарные и социальные науки специфических для них *интенциональных* объяснений (ведь *намерение* невозможно без признания чего-либо *значимым*), но и сделает непонятным само занятие человека таким видом деятельности, как наука. Более очевидного провала для гуманитарных наук невозможно себе и представить. Однако в действительности вся научная деятельность определяется тем, что имеет значение с точки зрения человека, причём не только *для него*, но и *само по себе*:

1. Даже в естественных науках выбор предметов исследования, их классификация, установление связей между ними определяется тем значением, которое имеют эти предметы. И речь здесь опять же не просто о том, какие предметы просто вызывают любопытство человека, а о том, какое значение они имеют *объективно*. Например, шкала твёрдости минералов по Моосу отражает реальные физические свойства соответствующих минералов, но именно такое их свойство, как твёрдость, показало исследователям достаточно *значимым*, чтобы создать специальную шкалу для его измерения.

⁵ О трудностях, связанных с введением теоретических предметов в научные объяснения, см.: [19, р. 64—70]. О проблематике теоретических предметов в гуманитарных и социальных науках см. тж.: [1, с. 55—63].

Даже учёные, занимающиеся исследованиями в области естественных наук, стремятся показать другим и самим себе значение исследуемых ими предметов, а через это — и своих наук. Поэтому и в соответствующей научно-популярной литературе решение этой задачи имеет важность не меньшую, чем просвещение, и вопреки мнению многих отнюдь не является чем-то внешним по отношению к собственно научным исследованиям⁶.

2. В науках о человеке и обществе, и в частности в исторической науке, разделение на чисто фактическое и ценностное выглядит искусственным — хотя бы потому, что они занимаются *интенциональными* объяснениями, предполагающими существование *ценностей*.

Но на самом деле в строгом виде это разделение не выдерживается ни в одной области научных исследований. Об интенциональном отборе и классификации предметов согласно их значению мы только что говорили. Но и такие определяющие для науки понятия, как «истина», «простота», «непротиворечивость», «обоснованность», «правильность», являются ценностными выражениями, которые не могут быть сведены к чисто описательным выражениям ни естественных, ни гуманитарных и социальных наук [ср.: 8, с. 171—197].

Более того, даже описательные выражения нередко оказываются ценностно нагруженными или обнаруживают ценностные аспекты в своём употреблении: например, понятия «химический элемент», «гомеостаз», «болезнь», «культура» имеют неустраняемые ценностные аспекты, а определение размера или массы тела в тех или иных единицах измерения предполагает согласованность результатов измерения с эталонной величиной.

Мир насыщен ценностными свойствами, и стремление вычистить их из научного познания мира не только *неосуществимо*, но и глубоко *иррационально*.

6. СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ СВОЙСТВ. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ЦЕННОСТНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Допустим, что это в самом деле так. Но до сих пор речь скорее шла о значении науки для человека, о ценностях, основополагающих для научного исследования, о ценностных установках,

⁶ В этом смысле замечание Ж.-Ф. Лиотара о том, что «[н]аука с самого начала конфликтовала с рассказами» [6, с. 9], следует признать односторонним и не вполне точным.

изучаемых социальными и гуманитарными науками. Однако историческая наука вполне может описывать и объяснять фактически существовавшие и принятые кем-то ценности, при этом ничего не выделяя как *объективно* значимое для человека. И если она и будет чему-то учить, то исключительно поведенческим *стратегиям*, которые в ходе истории подтвердили свою эффективность, как в своё время делал Н. Макиавелли.

Естественной и как бы само собой разумеющейся установкой историка при таком подходе кажется *релятивизм*: наши ценности важны *для нас*, ценности тех, кого мы изучаем, важны *для них*, мы можем просто описывать и объяснять чужие ценностные представления, но иметь в виду их возможное *объективное* значение не стоит, так как его, скорее всего, и нет. И это следствие действительно становится почти неизбежным при принятии релятивизма⁷.

Однако релятивизм, как и натурализм, не становится бесспорным только в силу своей распространённости и кажущейся естественности: он также требует обоснований, и против него также имеются веские возражения⁸.

1. Начнём с того, что ценностные высказывания могут *обосновываться* точно так же, как и чисто описательные высказывания. Более того, под действием таких обоснований люди нередко пересматривают свои ценностные убеждения. И делают они это потому, что хотят отказаться от убеждений, не соответствующих действительности, в пользу убеждений, которые ей соответствуют. Таким образом, естественной установкой по отношению к ценностям является как раз таки взгляд на них как на *объективно* существующую часть мира, относительно которой возможны как истинные, так и ложные убеждения. Едва ли кто-то в здравом уме будет сомневаться в том, что истязать ни в чём не повинного младенца ради собственного удовольствия — это объективно плохо.

Примечательно также, что при всей кажущейся несогласованности ценностных убеждений в разные времена и в разных обществах на протяжении истории имела место поразительная близость главных ценностей, а расхождения в ценностных убеждениях и ценностные искажения часто хорошо объясняются влиянием внешних по отношению к ценностям обстоятельств

⁷ Во всяком случае, именно для этой цели в качестве одного из двух своих аргументов использует довод от относительности ценностей известный противник ценностного реализма Дж.Л. Мэки [16, р. 36—38].

⁸ О безуспешности попыток сочетать натурализм и релятивизм см.: [20, р. 80—107].

(природное и социальное окружение, особенности политического устройства, религиозные верования и обычаи)⁹.

2. Ещё одно важное возражение, которому обычно уделяют гораздо меньше внимания, чем оно заслуживает, состоит в том, что ценности в полной мере *невыводимы* из индивидуальных или коллективных субъективных состояний. Со времён И. Бентама непрерывно предпринимаются попытки сформулировать принципы или правила, по которым из множества индивидуальных представлений о положительных и отрицательных ценностях можно получить ценности, имеющие вид объективных. Однако каждый из подобного рода принципов имеет серьёзные изъяны, вплоть до вопиющего противоречия основополагающим моральным интуициям¹⁰. Это показывает неустрашимость представления об объективных ценностях как об ориентире для оценки правильности или неправильности индивидуальных и коллективных ценностных убеждений.

Понятно, что исчерпывающего списка объективных ценностей нет, но ценностное познание, возникшее, вероятно, одновременно с человечеством, по-прежнему продолжается, и нельзя сказать, что оно не принесло никаких плодов. Скорее напротив: даже будучи по своей строгости далёким от естественных наук, оно непрерывно вносило свой вклад в облагораживание человека и общества и делало жизнь многих людей более достойной и полноценной. Задача исследователя, предмет изучения которого имеет отчётливое ценностное измерение, ничем не отличается от задачи любого другого исследователя: он должен уметь хорошо обосновывать свою позицию и убедительно отвечать на возражения тех, кто с ним не согласен.

7. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ЦЕННОСТНОГО РЕАЛИЗМА И ОТВЕТ НА НИХ

Допустим теперь, что предметы, исследуемые исторической наукой, могут иметь объективное значение для человеческой жизни и что история может и должна его отыскивать. Но не ведёт ли признание этого к следствиям, которых стоило бы скорее избегать и опасаться?

Ниже перечислены основные возражения против исследовательского подхода, принимающего во внимание существование

⁹ См., в частности: [7, с. 95—103], [15] (в особенности вторую главу и приложение), [13, с. 246—249].

¹⁰ Ср.: [13, с. 153—178], [18] (особенно главы 4 и 5); ср. тж.: [9].

объективных ценностей. Стоит сразу отметить, что все эти возражения имеют скорее *риторический* характер и, по большому счёту, *нерелевантны*: ведь если объективные ценности существуют, то злоупотребление знанием о них никак не отменяет само их существование. Если какой-то идеолог или пропагандист добивается от общества желаемого поведения, обращаясь для этого к представлению об объективной ценности социальной справедливости или любви к родине, это ещё не означает, что соответствующие свойства лишены объективной ценности. Как и с любым другим знанием об объективно существующих предметах, с этим знанием надо обращаться *подобающим* образом (и здесь опять наш выбор будет определяться ценностями, которые мы считаем объективно значимыми).

1. Многие полагают, будто ценностный подход неминуемо ведёт к *предвзятости* в изложении фактов, что, в свою очередь, обесценивает само историческое исследование. Но предвзятость следует отличать от *приверженности* тому или иному убеждению. Если исследователь в чём-то искренне убеждён, он, естественно, будет привержен своим убеждениям, и в области ценностей эта приверженность рискует перейти в предвзятость не больше и не меньше, чем в любой другой области, где оказываются затронуты широко понимаемые *интересы* человека.

Даже если исследователь выносит свои оценки по поводу исследуемого предмета, это ещё не означает, что они предвзяты: как раз добросовестный исследователь и должен заботиться о непредвзятости своих оценок. Здесь, как и во всех других областях познавательной деятельности человека, у нас нет лучших рациональных стандартов отыскания истины, чем имеющиеся, и нет другого пути её подтверждения, кроме поиска всё лучших обоснований.

В любом случае исследователь прямо или косвенно передаёт читателю какие-то ценностные установки — если не те, которые он считает объективно значимыми, то те, которые продиктованы его *субъективными* предпочтениями: даже выбор темы, аспект её освещения, интонация, с которой она обсуждается, — всё это служит средством передачи ценностных установок. Даже отстранённая, протокольная интонация исследователя может свидетельствовать не о его объективности, а о равнодушии к теме или о её малозначимости.

Навязывание какого-либо убеждения, в том числе ценностного, — это покровительственная установка по отношению к читателю. Но и желание защитить его от навязывания — тоже покровительственная установка. Если мы считаем

читателя самостоятельным человеком, который способен пользоваться собственным умом не хуже нас, то разумно будет исходить из того, что он сам рано или поздно составит себе мнение об интересующем его предмете, а предвзятого автора читать перестанет. Так в недавнее время утратили своё значение для широкого читателя многие фактические — и основанные на них *ценностные* — суждения А.И. Солженицына о советской истории.

2. Более серьёзной опасностью ценностного подхода, чем простая предвзятость, кажется то, что при таком подходе историческая наука станет служанкой какой-либо *идеологии* или рупором чьей-либо *пропаганды*.

При всей внешней эффектности этого возражения в действительности трудно даже сказать, насколько обращение к представлению об объективности ценностей делает идеологию более действенной (ведь идеология вполне может быть выстроена и на принципах индивидуалистического гедонизма, утилитаризма или нигилизма). Содержание идеологии или пропаганды — это скорее вопрос политической целесообразности, и представление об объективности ценностей может быть инструментализировано в политических целях, так же как и любое другое. Напротив, именно представление об объективных ценностях (например, вера в объективную значимость человеческого достоинства) вполне может оказаться препятствием для принятия или распространения какой-либо репрессивной идеологии. К тому же вопреки распространённому заблуждению признание объективности ценностей не предполагает согласия с каким-либо *списком* объективных ценностей: общепризнанного списка ценностей не существует, ценностные свойства — это предмет продолжающегося исследования и обсуждения. Поэтому даже если какая-то идеология или пропаганда установят определённый список ценностей в качестве обязательного, в самом по себе ценностном подходе это не будет иметь никакого основания.

3. Ещё более серьёзным упреком ценностному подходу можно назвать обвинение в подготовке *тоталитаризма*.

Но если под тоталитаризмом понимается обязательное признание единой государственной идеологии, контроль за приверженностью ей и наказание за отступление от неё, то в защиту ценностного подхода здесь можно только повторить те же доводы, которые только что приводились в опровержение его мнимой близости к идеологии и пропаганде: едва ли исторические исследования именно в силу признания объективности

ценностей будут способствовать установлению какого-либо тоталитаризма. Во всяком случае сам по себе ценностный подход не более (а скорее даже менее) благоприятствует тоталитаризму, чем, скажем, релятивизм или нигилизм: так, немецкий политический философ Карл Шмитт обосновывал необходимость признания законодательства Третьего рейха через *децизионизм* — теорию, согласно которой норма имеет авторитет не потому, что выражает объективную ценность, а потому, что принята властной инстанцией, способной обеспечить её соблюдение.

8. ЧЕМУ И КАК МОЖЕТ НАУЧИТЬ ИСТОРИЯ (И ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ОНА)

Чему же может научить историческая наука? Какое значение для человека может иметь предмет её исследования? В первую очередь её послание может состоять в том, что нам действительно *есть* чему поучиться у прошлого, что прошлое — это не просто «старые мёртвые белые мужчины», которые представляют для нас в лучшем случае энтомологический интерес и в принципе не могут сказать *нам*, современным, ничего важного.

В той мере, в какой люди стремятся жить не только хорошо, но и *правильно*, они нуждаются, с одной стороны, в *примерах*, на которых можно было бы учиться и которым можно было бы подражать, а с другой стороны, в примерах обратных — таких, подражания которым следует всячески избегать. Историческая наука естественным образом располагает изобилием таких примеров, и в этом с ней едва ли сможет сравниться какая-то иная дисциплина. Достойные подражания и порицания люди, образы жизни, общественные порядки, индивидуальные и коллективные поступки — в подобного рода примерах историческая наука никогда не испытывала недостатка. В её распоряжении — бесчисленные образцы решений и событий разного исторического масштаба, в которых социальная, экономическая и политическая целесообразность в разной степени согласуется или не согласуется с этическими и духовными ценностями, способствует или препятствует их реализации.

Одной из черт ценностного подхода к историческому исследованию является положительная или отрицательная *идеализация* исследуемого предмета, которой так или иначе

сопровождается отыскание значимых образцов. По большей части идеализация в научном исследовании воспринимается как искажение действительности, и таковой она в самом деле нередко бывает, но вместе с тем она также имеет ничем не заменимое *конструктивное* исследовательское значение и отнюдь не предполагает *искажения* действительности.

В чём же состоит конструктивное значение идеализации? Как уже говорилось выше (и как свидетельствует весь человеческий опыт), наше познание действительности неотделимо от осознания присущего ей значения. Без переживания её значимости познание попросту не могло бы начаться. При этом поиск значения и выделение главного в исследуемом предмете в любом случае ведут к той или иной форме идеализации. Очевидно, что историческое значение Русской православной церкви, А.С. Пушкина, В.И. Ленина, Великой Отечественной войны не исчерпывается просто множеством соответствующих эмпирических фактов. Столь же очевидно и то, что идеализация, сопровождающая отыскание значения этих и других предметов исследования, вовсе не требует искажения действительности. Напротив, без попытки установить объективное значение предмета его исследование всегда будет неполным и неполноценным. В этом смысле можно сказать, что вопреки кажущейся беспристрастности и вниманию к фактической стороне событий В.В. Вересаев в своём «Пушкине в жизни» изобразил поэта менее правдиво, чем тот сам показал себя в своих лучших произведениях. Как выразился Роджер Скрутон в ходе одного из своих выступлений, иногда поэт вкладывает в свои стихи лучшее из того, что в нём есть. Поэтому и так презираемые многими исторические *мифы* с их героическим или обличительным пафосом нередко представляют собой всего лишь неумелую попытку отыскать значение там, где это по каким-то основаниям недостаточно делает историческая наука. «Россия, которую мы потеряли» и «тюрьма народов» в равной степени обнаруживают стремление придать происходящему в истории некоторое значение, без которого понимание исторической действительности кажется неполным.

Вот почему здесь не обойтись именно без исторической *науки*, которая одна только способна должным образом выполнить и эту часть исследовательской работы. Без понимания значения, которым насыщена жизнь мира и человека, мы не поймём самих себя ни как исследователей, ни как людей, а значит, не достигнем цели гуманитарных наук. И в этом поиске значение истории как наставницы жизни трудно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Спасибо, что живой: этнос после реквиема // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 55—63.
2. Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Способна ли философия внести конструктивный вклад в современное понимание природы? // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2012. № 3. Т. 2. С. 40—48.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
5. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
9. Савватеев А., Филатов А., Шварц Д. Проблема коллективного выбора, теорема Эрроу и её короткое доказательство // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 5—22.
10. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. 431 с.
11. Суинбёрн Р. Есть ли Бог? М.: Праксис, 2001. 208 с.
12. Elster J., Walløe L., Føllesdal D. Rationale Argumentation: ein Grundkurs in Argumentations- und Wissenschaftstheorie. Berlin; New York: de Gruyter, 1986. 371 S.
13. Kutschera, von, F. Grundlagen der Ethik. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. 386 S.
14. Kutschera, von, F. Wert und Wirklichkeit. Paderborn: mentis, 2010. 174 S.
15. Lewis C.S. The Abolition of Man. New York: Touchstone, 1996. 109 p.
16. Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. London: Penguin, 1990. 249 p.
17. Nagel T. Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. 130 p.
18. Oddie G. Value, Reality, and Desire. Oxford: Clarendon Press, 2005. 252 p.
19. Okasha S. Philosophy of Science: a Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.
20. Putnam H. Renewing Philosophy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1992. 234 p.
21. Risjord M. Philosophy of Social Science: a Contemporary Introduction. London, New York: Routledge, 2023. 319 p.

REFERENCES

1. Bulanenko M.E., Popovkin A.V. Spasibo, chto zhivoy: etnos posle rekviema [Thanks for Staying Alive: Ethnos after Requiem]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2023, no. 1, pp. 55—63. (In Russ.)
2. Bulanenko M.E., Popovkin A.V. Sposobna li filosofiya vnesti konstruktivnyy vklad v sovremennoe ponimanie prirody? [Can Philosophy Make

- Constructive Contribution to the Modern Concept of Nature?]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, series "Philosophy", 2012, no. 3, vol. 2, pp. 40—48. (In Russ.)
3. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russ.)
 4. Gobbs T. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Writings in 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, 731 p. (In Russ.)
 5. Koen M., Nagel' E. *Vvedenie v logiku i nauchnyy metod* [Introduction to Logic and Scientific Method]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2010, 655 p. (In Russ.)
 6. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii Publ., Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1998, 160 p. (In Russ.)
 7. Losskiy N.O. *Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki; Kharakter russkogo naroda* [The Conditions of the Absolute Goodness: Fundamentals of Ethics; The Character of the Russian People]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 368 p. (In Russ.)
 8. Patnem Kh. *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth, and History]. Moscow, Praksis Publ., 2002, 296 p. (In Russ.)
 9. Savvateev A., Filatov A., Shvarts D. Problema kollektivnogo vybora, teorema Errou i ee korotkoe dokazatel'stvo [The Problem of Collective Choice, Arrow's Impossibility Theorem, and Its Short Proof]. *Izvestiya DVFU*, series "Economics and management", 2018, no. 4, pp. 5—22. (In Russ.)
 10. Simonov K.M. *Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmyshleniya o I.V. Staline* [Through the Eyes of a Man of My Generation: Reflections on I.V. Stalin]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 431 p. (In Russ.)
 11. Suinbern R. *Est' li Bog?* [Is there a God?]. Moscow, Praksis Publ., 2001, 208 p. (In Russ.)
 12. Elster J., Walløe L., Føllesdal D. *Rationale Argumentation: ein Grundkurs in Argumentations- und Wissenschaftstheorie*. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 1986, 371 S. (In Germ.)
 13. Kutschera, von, F. *Grundlagen der Ethik*. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 1999, 386 S. (In Germ.)
 14. Kutschera, von, F. *Wert und Wirklichkeit*. Paderborn, mentis Publ., 2010, 174 S. (In Germ.)
 15. Lewis C.S. *The Abolition of Man*. New York, Touchstone Publ., 1996, 109 p. (In Eng.)
 16. Mackie J.L. *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London, Penguin Publ., 1990, 249 p. (In Eng.)
 17. Nagel T. *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False*. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2012, 130 p. (In Eng.)
 18. Oddie G. *Value, Reality, and Desire*. Oxford, Clarendon Press Publ., 2005, 252 p. (In Eng.)
 19. Okasha S. *Philosophy of Science: a Very Short Introduction*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2016, 140 p. (In Eng.)
 20. Putnam H. *Renewing Philosophy*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press Publ., 1992, 234 p. (In Eng.)
 21. Risjord M. *Philosophy of Social Science: a Contemporary Introduction*. London, New York, Routledge Publ., 2023, 319 p. (In Eng.)